

ISSN 2658-7920

ВЕСИ
№ 8,
2021
СПЕЦВЫПУСК

НИЖНЕТАГИЛЬСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ГОРНОЗАВОДСКОЙ УРАЛ»

ССЫЛЬНЫЙ БИБЛИОТЕКАРЬ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ: XX ВЕК

Валентина ДАЦКЕВИЧ

Владимир КАШИН

Члены Нижнетагильского
клуба краеведов.

Демидовская библиотека была основана в 1854 году по распоряжению Главноуправляющего заводами округа А.Н.Карамзина и предназначалась, в основном, заводским служащим для повышения квалификации и расширения кругозора. Так сложилась, что судьба ее была тесно связана с музеем. Вполне логичным стало включение библиотеки в состав Тагильского музея краеведения в 1924 году. Этому книжному собранию повезло: как у истоков создания в середине XIX века, так и в период восстановления в 1920-е годы в ней работали незаурядные люди, обладающие мощным интеллектом, огромными знаниями и энтузиазмом.

Литературный критик Валериан Адольфович Чудовский (1882–1937), административно высланный из Ленинграда в 1925 году за приверженность к устоям и традициям бывшей Российской империи, оставил яркий след в культурной жизни Нижнего Тагила как организатор и собиратель библиотеки нового советского учреждения – Тагильского музея краеведения.

В.А.Чудовский родился 2 апреля 1882 года в Минской губернии в семье военного инженера, генерал-лейтенанта Русской императорской армии.

По окончании Александровского лицея по первому разряду (1904) Валериан Чудовский был определен на службу в министерство внутренних дел по землеустроительной линии. В 1907–1910 гг. он продолжил образование в университетах Европы, а по возвращении из поощрительной заграничной командировки был причислен по собственному прошению к мини-

стерству народного просвещения с поступлением «вольнотруждающимся» в Императорскую публичную библиотеку. Только спустя год он был зачислен в штат младшим помощником библиотекаря. С конца 1913 года он заведовал юридическим отделением библиотеки, где сосредотачивались издания по правоведению и политическим отраслям знаний, на которые участились запросы из Государственной Думы.

Весной 1916 года В.А.Чудовский возглавил отделение изящных искусств, и, казалось бы, укрывшись в толстых стенах дворца знаний и погрузившись в изучение всемирного наследия, он мог избежать погружения в водоворот Русской революции. Тем более, в июне 1918 года комитет советской Российской публичной библиотеки назначил его заведующим крупнейшим отделением «Россика», в котором были сосредоточены иностранные книги, касающиеся России,

В.А.Чудовский. 1910-е.
Из фотоколлекции Российской
национальной библиотеки.

В.А.Чудовский. 1909 г. Санкт Петербург.

а в октябре 1919-го – отделением изящной словесности. В течение последующих пяти лет он занимал ответственную должность главного библиотекаря Публичной библиотеки (ныне Российская национальная библиотека) [1].

В 1914 году был опубликован его труд «Императорская Публичная библиотека за сто лет». Но известность в столичном обществе Валериан Адольфович получил как автор литературных исследований творчества поэтов «серебряного века», защитник самобытного русского языка и старой орфографии, внесший весомый вклад в сохранение пушкинского наследия и развитие русской словесности [2].

Расколовшие общество революционные события 1917 года были обусловлены накопившимися глубокими противоречиями политического и социально-экономического характера. Когда же окончательно рухнули привычные, издавна установленные нормы морали и поведения, а новые зачастую не принимались, многие представители культуры оказались на распутье. Русской интеллигенции пришлось выбирать: не принимать Октябрьский переворот, саботируя решения Советской власти, вплоть до эмиграции, или, наоборот, осмыслить случившееся и продолжить служение обществу в новых исторических условиях.

В своих статьях В.А.Чудовский четко выразил личное отноше-

ние к ниспровергателям устоев, не стесняясь обличать революционеров: «...когда безумная толпа прикладами и каблуками била двуглавого орла, принимая его за эмблемат ненавистной, свергнутой власти, она не знала, что глумится над собственным величием, не знала, что надменная птица несла в себе державную силу самой России, Русского народа...» [3].

По свидетельству современника: «В годы Гражданской войны вся интеллигенция Петрограда была резко расколота на два враждебных лагеря, – лагерь тех, кто ненавидел Советскую власть и считал всякое сотрудничество с ней невозможным, и лагерь тех, кто стоял за сотрудничество с Советской властью, за помощь ей в ее культурных задачах. Оба лагеря были совершенно непримиримы и враждовали открыто... Критик Валериан Чудовский, бывший соратник Гумилева по редакции «Аполлон», расхаживал, держа правую свою руку на белой перевязи. И когда его спрашивали, не болит ли у него рука, он отвечал: «Нет, я просто не хочу ее подавать подлецам, сотрудничающим с большевиками».

Не подавал он ее, разумеется, и Гумилеву – члену редакционной коллегии советского государственного издательства «Всемирная литература», члену правления советского учреждения Дом искусств, преподавателю Студии – советского учебного заведения» [4].

Непримиримый заведующий отделом изящной словесности Государственной публичной библиотеки был вынужден поселиться в советском учреждении для бедствующей интеллигенции, разом потерявшей прежние источники доходов. Дом искусств, открывшийся в 1919 году в бывшем купеческом особняке на углу Невского проспекта и Мойки, стал подлинным центром интеллектуальной жизни Петрограда той поры. По воспоминаниям сына Корнея Ивановича Чуковского: «Зиму с девятнадцатого на двадцатый год жил в Доме искусств и Валериан Чудовский – высокий человек в бархатной куртке с надменно закинутой лохматой головой. Это был самый злобный контрреволюционер, какого можно только себе представить, повсюду громкогласно извергающий проклятия на всех, кто работает с большевиками и работает в советских учреждениях. Молодежь, посещавшая Дом искусств, возненавидела его... В начале двадцатых годов Чудовский исчез, сбежал, по-видимому, за границу» [5].

Невольно задаешься вопросом: как совмещались столь непримиримое и нескрываемое отношение к новой власти и служба в достаточно высоких должностях в Российской публичной библиотеке? Имеет ли право на жизнь предположение, что работа в ней являлась для Валериана Адольфовича не службой в совучреждении, а служением в Храме книги. Литература, книги в его понимании были выше всех политических направлений, что и позволяло уживаться в его поведении двум взаимоисключающим позициям.

За рубеж русский интеллигент не сбежал и не эмигрировал ни тогда, ни позже. В.А.Чудовский по постановлению Коллегии ОГПУ от 22 июня 1925 года по так называемому «Лицейскому делу» («Дело воспитанников», «Союз верных») был выслан на Урал сроком на пять лет с конфискацией имущества. Обвинение группы выпускников бывшего императорского Александровского лицея в создании «Контрреволюционной монархической организации»

было во многом сфальсифицировано ленинградскими чекистами. В качестве так называемых доказательств фигурировали традиционные встречи выпускников в Лицейский день, 19 октября, касса взаимопомощи, ежегодные панихиды по погибшим лицеистам, на которых поминались и члены царской семьи.

По делу лицеистов-монархистов в ночь на 15 февраля 1925 года было арестовано свыше полтора десятка питерцев. Вскоре из восьмидесяти осужденных: 26 – расстреляны (в том числе последний премьер-министр Российской империи Н.Д.Головнин), 25 – приговорены к различным срокам заключения, 29 – высланы в административном порядке. Почти все они впоследствии погибли или сгинули в лагерях [6].

Так, искусствовед, профессор русской словесности и изящных искусств Валериан Адольфович Чудовский стал политическим ссыльным, оказался за две тысячи верст от культурной столицы – в Нижнем Тагиле, где внес огромный вклад в развитие библиотечного дела.

Сразу можно увидеть параллели с XIX веком, когда 1853 году в Нижне-Тагильское селение прибыл ссыльный польский революционер, поэт и этнограф Адольф Михайлович Янушкевич (1803–1857).

Выходец из польской шляхты, в которой почитался национальный герой и родственник по материнской линии Т.Костюшко, родился в белорусском городе Несвиже Минской губернии, получил высшее образование в Виленском университете (ныне г. Вильнюс) и мог позволить себе путешествия по Европе. Однако во время Польского восстания (1830–1831) он получил семь ранений в бою с правительственными войсками и попал в плен. Во время допросов вел себя убежденно и мужественно и не жалел о содеянном. За участие в повстанческой «Легии Литвы, Вольни, Подолии и Украины» следствие признало его одним «из самых

опасных и упорных преступников империи». Суд в Киеве 4 марта 1832 года приговорил его к смертной казни через повешение, замененной позже на вечную ссылку в Сибирь с лишением дворянства и конфискацией имущества. Николай I помнил фамилию гордого поляка и вычеркивал ее из всех списков на помилование.

Ссылку А.М.Янушкевич отбывал в Тобольске, Ишиме и Омске, пока заводовладельцы Демидовы не помогли ему перебраться в Нижний Тагил.

По распоряжению Андрея Николаевича Карамзина руководителем вновь открывшейся Нижне-Тагильской заводской библиотеки был назначен французский поданный, горный инженер, работавший по договору на тагильских заводах Леон Андреевич Вейер, а его помощником стал Адольф Михайлович Янушкевич. Именно он взял на себя заботу о комплектовании новой библиотеки и удовлетворении запросов читающих «тагильцев». Об этом он писал родным: «С половины девятого до половины первого, от 6 до 9, а когда много работы и до 10 вечера, нахожусь в библиотеке. Плохо было бы, если бы я и приходил на службу позже, потому что и так уже к тому времени собирается много читателей, ожидающих меня. Радует, что двигатель этот при хорошем исполнении функций приносит каждому читателю немалое удовольствие». Ссыльный поляк делает удивительный вывод: «...А библиотека всё больше входит в моду: 1107 книг прочитано в течение месяца. Вот вам картинка из местной жизни, какой вы, верно, не ожидали увидеть в Уральском углу. Не надо забывать, что этот уголок принадлежит благородной семье, которая не в пример другим, думающим только о себе, да о своем кармане, старается, где только может сеять просвещение и прогресс и не жалеет на это расходов [7].

Как много еще душевной силы и энергии, какой размах светлого ума!

А.М.Янушкевич был помилован в 1856 году, вернулся на родину, но вскоре умер от туберкулеза.

Графический портрет
А.М.Янушкевича. 1820-е.

Белорус Валериан Чудовский продолжил дело Адольфа Янушкевича на Урале, но уже в XX веке, и, надо отметить, в более сложных условиях. Оторванный от привычного уклада, семьи и друзей, он вновь нашел утешение в служении Книге.

После завершения революции и Гражданской войны в Нижнем Тагиле не действовали ни музей Демидовых, ни заводская библиотека.

В 1922 году по инициативе доктора В.А.Ляпустина группой энтузиастов было создано «Тагильское общество по изучению местного края» (ТОИМК), поставившее главной задачей воссоздание музея. В свою очередь, музей краеведения в пору возрождения и становления стремился стать центром просвещения и организовать специализированную библиотеку для оказания помощи в исследовательских работах по истории Урала.

В конце 1923 года хранитель музея (затем директор) Александр Словцов подает в Окружной отдел народного образования докладную записку: «В Нижнем Тагиле существует старинная библиотека, собранная еще прежними заводовладельцами Демидовыми, князьями Сан-Донато, и поэтому называемая «Сан-Донатской». ... Она состоит из весьма редких и ценных книг... и потому прошу в

Сотрудники Нижнетагильского музея: заведующий краеведческой библиотекой В.А.Чудовский, зав. естественно-историческим отделом Т.К.Боташева, зав. культурно-историческим отделом М.А.Зылева, зав. общественно-экономическим отделом О.А.Кротова и руководитель А.Н.Словцов. 1920-е гг.

порядке чрезвычайной срочности:

1. Распорядиться ... доставкой в Музей остальных книг, находящихся еще в помещении Окр. Фин. Отдела.

2. Распорядиться перевезти книги из бывшего дома Треухова в Музей...

3. Через органы гормилиции учредить особо внимательный надзор за продажей книг, – не будут ли обнаружены книги со штампами «Библиотека князей Сан-Донато» и «Библиотека Тагильских заводов»...

8. Просить Окружной Исполнительный Комитет гарантировать неприкосновенность библиотеки в будущее время» [8].

Настойчивость выпускника физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета А.Н.Словцова была вознаграждена. 31 января 1924 года заведующий окружным политпросветом И.С.Оносов подписал акт о передаче музею реквизированных ранее Советской властью 8317 экземпляров библиотеки «Сан-Донато» [9].

В день открытия Нижне-Тагильского музея, 30 марта 1924 года, перечисляя количество экспонатов основных отделов, Александр Николаевич отметил наличие: 8300 томов и 161 рукописи [10].

Демидовское книжное богатство было «закреплено за музеем... как историко-краеведческий материал, характеризующий двухсотлетних властителей края» [11] и положило начало новому периоду жизни краеведческой библиотеки.

К моменту назначения в октябре 1925 года заведующим музейной библиотекой В.А.Чудовского уникальные книги были в основном спасены от гибели и расставлены в шкафах сотрудниками музея. Валериан Адольфович образно назвал коллекцию демидовских книг «ядром, вокруг коего выросла нынешняя библиотека».

Архивы сохранили документы о принятой эстафете многогранной этапной эпопеи спасения книг и комплектования музейной библиотеки Нижнего Тагила бывшим главным хранителем Государственной публичной библиотеки: «Из склада металлургического треста, у плотины, из здания, построенного, быть может, еще Акинфием Демидовым, – поступило полсотни ящиков с частью тагильского архива... В этих ящиках оказалось около 1100 томов из Сан-Донатской библиотеки... Из подвалов бывшего Главного управления Демидовых было извлечено, отчасти из-под неопикуемых груд мусора и хлама, более

9000 томов – остатки заводской библиотеки» [12].

В апреле 1926 года Словцов и Чудовский обратились в отдел народного образования с обращением, в котором с болью сообщали: «Окружному музею стало случайно известно, что на одном из складов Окр.Мест.Хоза лежит на полу в беспорядке некоторое количество книг (старых). Музеем немедленно были предприняты шаги к охране этих книг: они оказались в складе № 40 по улице Арзамасской – Шаминой (ныне ул. Первомайская – К.Маркса – авт.), вываленными... у самой входной двери и поперек ее, так что всякий входящий не мог не топтать их ногами...» [13].

Даже после личных переговоров с руководством «местного хозяйства» Нижнетагильского округа по поводу выдачи книг обещанный «на завтра» ответ не последовал, а через десять дней Валериан Адольфович обнаружил книги «в рыночной будке, замкнутой гвоздем, продетым в кольцо вместо замка. Незамкнутый чулан посреди рынка обеспечивает расхищение книг всяким желающим... Полагая, что нахождение книг в таких условиях и обращение с ними, подобное описанному, показывает, в какой опасности еще до сих пор может находиться

В.А.Чудовский во время проживания в Н.Тагиле.

Брошюра В.Чудовского
«Библиотека ТОМК». 1930 г.

ценное народное имущество», руководители музея потребовали от ОкрОНО «принять решительные меры к совершенному устранению подобного обращения с книгами в будущем и к немедленному выяснению, имеются ли еще книжные фонды в подобном положении» [14].

В феврале 1930 года музей издал брошюру «Библиотека ТОМК» (Тагильского окружного музея краеведения), которая стала своеобразным отчетом деятельности заведующего музейной библиотекой. Как отмечает сам автор труда В.А.Чудовский: «...За три года активного поиска были разысканы и изъяты из различных учреждений и возвращены в библиотеку 37881 книга:

- 1100 – Сан-Донатской библиотеки
- 9000 – остатки заводской библиотеки
- 4700 – остатки библиотеки Демидовской больницы
- 12000 – из центральной и других библиотек
- 3000 – из школы им. Н.К.Крупской
- 800 – из школы-семилетки № 1
- 3080 – из библиотеки горно-металлургического техникума
- 1500 – из окружного архивного бюро
- 1200 – из закрытой Выйской церкви

1500 – из товарного склада Горместхоза

...Мы брали всё «устаревшее», всё, что было другим «не нужно» для текущей боевой работы по очередным заданиям советского строительства и образовали библиотеку, могущую оказать значительные услуги при разных углубленных исследовательских работах по нашему краю» [15].

В результате титанических усилий в 1930 году в фонде Тагильского музея, занимавшего семь комнат во флигеле заводоуправления, насчитывалось уже 70 тысяч книг. Был образован новый раздел по ураловедению и музейному делу, в который собирались ценные источники для будущих историков горнозаводской промышленности. По мнению Валериана Адольфовича «...библиотека своим фондом ставит ряд задач для будущих исследователей. В частности, книги демидовской библиотеки могут содействовать выяснению направлений в технике, к коим примыкали демидовские предприятия; уже беглый просмотр позволяет предположить черту, любопытную для истории горно-металлургической промышленности, а именно – французские симпатии и связи Демидовых (в отличие от обычной германской ориентации): это показательно отчасти для классового облика Демидовых, заводчиков, с Николая Никитича (умер в 1828), принадлежавших к аристократии царского времени; отчасти напоминает о многолетнем диктаторе Тагила Жонесе Спонвиле... знаменитом французском ученом Ле-Пле, которого Демидовы пригласили в Тагил... быть может, не только как техника...»

В плане работы музея на 1927–1928 гг. появился важный момент: «Связаться с Тагильским обществом по изучению местного края на предмет изучения библиотеки в целом как краеведческого объекта, то есть исторически развившегося комплекса, на коем отразился ход местной истории...» По сути, это первое упоминание о музейной библиотеке как о значимом культурном объекте. Действительно, Тагильский окружной музей кра-

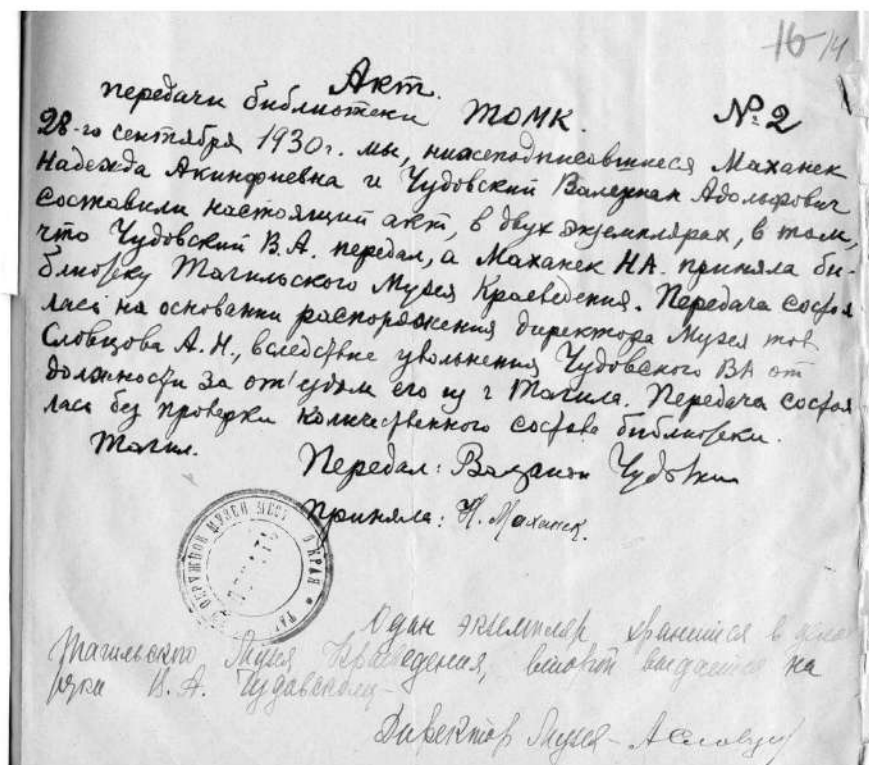
еведения имел в своем составе уникальные памятники книжной культуры.

Таким образом, одна из первых библиотек Урала была воссоздана как собрание редких книг, благодаря энтузиазму и подвижнической деятельности учителя Александра Николаевича Словцова и его соратника, библиотекаря Валериана Адольфовича Чудовского. Русские интеллигенты глубоко осознавали, что сохранять и приумножать культурное наследие России в интересах общества необходимо при любой власти.

Но их благородные и бескорыстные усилия не были оценены по достоинству. В начале 1930-х по распоряжению обкома партии музей во многом лишился своей научной библиотеки, которую изъят Институт Маркса-Ленина в Свердловске. Затем большая часть тагильских книжных раритетов попала в Уральский государственный университет, областной краеведческий музей и библиотеку им. В.Г.Белинского. И только около 6 тысяч изданий вернулись в Нижний Тагил.

По истечении срока административного наказания столичному ссылке разрешили вернуться в Ленинград. Согласно акту передачи библиотеки, 28 сентября 1930 года В.А.Чудовский передал Н.А.Маханек библиотеку Тагильского музея краеведения «без проверки количественного состава библиотеки» [17].

Не прошло и года, как Надежда Акинфиевна с душевной болью написала: «...Сознавая ущерб в работе библиотеки, который является следствием моих частых неявок на работу – прошу освободить меня от работы в библиотеке Музея. Надеюсь, что Музей согласится с мотивами моего отказа от работы и в возможно непродолжительном времени освободит меня, т.к. иначе наступит осенняя распутица, то я не смогу явиться даже для передачи библиотеки». Спустя пару недель от нее последовало новое заявление: «На все мои просьбы освободить меня от обязанностей Заведующей библиотекой – Правление Музея мне ответа не давало,

Акт передачи библиотеки ТОМК. 1930 г.

очевидно, исходя из соображения, что за 85 рублей никто не согласится взять на себя такой большой, ответственной работы. В настоящее же время, когда ставка зав. библиотекой увеличена до 150 рублей в месяц, будет вполне возможно пригласить для заведования более знающего и умелого работника. Тут нужен работник не только высококвалифицированный, но, кроме того, умеющий не просить, а потребовать необходимых улучшений в библиотеке. Я же в течение года не сумела добиться от Правления никаких улучшений» [18].

К концу 1920-х отношение Советской власти к краеведческим организациям и, в общем, к краеведению начинает меняться в сторону свертывания в угоду коммунистической пропаганде. В одной из центральных газет писали, что «почти вся сеть краеведческих музеев, почти вся сеть краеведческих обществ находится в чуждых, враждебных руках» [19]. В «Уральском рабочем» того же периода появляется статья «О неисправимых историках и служебной роли краеведения», в которой автор требовал от Уральского областного бюро краеведения «превратить краеве-

дение в оружие классовой борьбы пролетариата, очистить общества и музеи от лжеспециалистов». На политическом языке того времени эти обвинения следовало понимать как приговор носителям старой до-революционной культуры.

1930-е годы стали тяжелым испытанием для Тагильского музея краеведения. Были арестованы многие научные сотрудники, в том числе и его первый директор А.Н.Словцов. Комиссия ГорОНО, обследовавшая музей и библиотеку, констатировала «отсутствие научной, массовой и политической работы, слабость материальной базы» [20]. Не только в Нижнем Тагиле, но и по всей стране научных сотрудников и краеведов обвиняли в пропаганде религии, идеализации буржуазно-помещичьего строя и неправильной трактовке исторического материала.

По отбытию срока ссылки В.А.Чудовский вернулся в Ленинград к жене, коренной петербурженке Инне Романовне (урожденная Малкова). Полагаем, что прошедшие годы испытаний в какой-то степени примирили профессора с действительностью, по крайней мере, пятидесятилетний

библиотекарь и ценитель редких книг не представлял для Советской власти опасности в должности преподавателя Института механизации и социалистического земледелия.

Однако 1 декабря 1934 года был убит 1-й секретарь Ленинградского обкома партии С.М.Киров. Этим же числом было датировано Постановление ЦИК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик», которое формально запустило юридический механизм «большого» террора. В первую очередь стали «чистить» колыбель революции. Совсем скоро (1935) решением Особого Совещания НКВД Ленинградской области теперь уже оба супруга Чудовские были высланы в Уфу как социально-опасные элементы. Последние годы жизни Валериан Адольфович работал преподавателем Башкирского филиала Свердловского института повышения квалификации.

В августе 1937 года супруги Чудовские были арестованы по печально знаменитой «контрреволюционной» 58-й статье. Чудовские понимали антипольский характер следствия. При аресте в постановлении об избрании меры пресечения по настоянию Валериана Адольфовича записали его объяснение: «Я не поляк, а русский». В анкете арестованного он собственноручно записал: «По происхождению – белорус, но сам русский». В свою очередь, со слов Инны Романовны следователь записал: «По крови еврейка, по культуре русская». Сотрудники НКВД формально приняли разъяснения супругов, но в дальнейших документах числили их как «белорус-католик и еврейка-католичка», рассматривая убежденных атеистов как враждебных России эмиссаров католицизма...[21]

После недолгого следствия постановлением «двойки» в составе наркома внутренних дел Н.И.Ежова и прокурора СССР В.Я.Вышинского были признаны участниками «Польской организации войскового» и осуждены к высшей мере наказания. Накануне 20-летия Октябрьской революции

приговор был приведен в исполнение. Всего по групповому делу «ПОВ» в Уфе расстреляли 98 человек.

Супруги Чудовские виновными себя не признали...

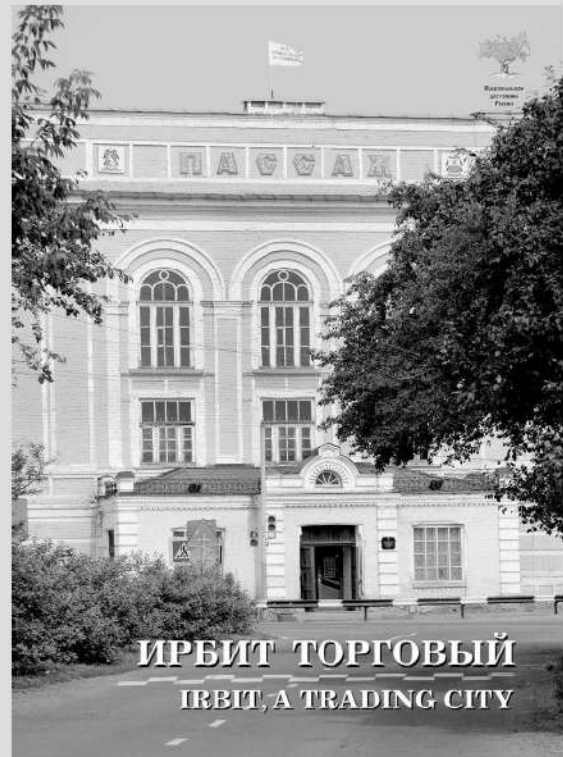
Они были оправданы и реабилитированы в 1958 году посмертно.

Валериан Адольфович не принял большевистский переворот 1917 года и долго не мог смириться с Советской властью. Он был достаточно просвещен, чтобы понимать — буржуазия и старая интеллигенция будут отринуты в условиях надвигающейся диктатуры пролетариата, о которой так много говорили большевики. Однако именно он внес заметный вклад в сохранение книжных богатств уже советской истории Нижнего Тагила в трудное послевоенное время.

Конец XX и начало XXI столетий стал временем переоценки ценностей, пересмотра значения многих событий и явлений в истории отечественной культуры, предсказанной российским ученым и патриотом В.А.Чудовским. Он верил, что «блестящие возможности Тагила являются ручательством того, что...библиотека, выросшая, как вырастет проектируемый новый Тагил, достойно войдет в культурное оборудование этого будущего центра среднеуральской промышленной жизни»[22].

Примечания:

1. Архив Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» (НТМ-З). Ф. 57. Оп. 1. Д. 4. Л. 33.
2. Статьи В.А.Чудовского: «Путник» Валерия Брюсова // Аполлон. 1911. № 2; По поводу стихов Анны Ахматовой // Аполлон. 1912. № 5; «Русская мысль» и романы В.Брюсова // Аполлон. № 3; Футуризм и прошлое // Аполлон. 1913. № 6; О Мережковском, Некрасове и о политике в искусстве // Аполлон. № 7; Несколько мыслей к возможному учению о стихе, с примерным разбором стихосложения в первой главе «Евгения Онегина» // Аполлон. 1915. № 8/9; Несколько утверждений о русском стихе // Аполлон. 1917. № 4/5. Критик М.Л.Гаспаров оценил их: «статьи содержали тонкие наблюдения, но с фантастическими обобщениями».
3. Чудовский В.А. За букву Ъ // Аполлон. 1917. № 4/5. С. 5–8.
4. Чуковский Н.К. Богоборец // Литературные воспоминания. М., 1989. С. 172.
5. Чуковский Н.К. Дом искусств, клуб Дома искусств, литературная студия Дома искусств // Литературные воспоминания. М., 1989. С. 59.
6. Дело лицестов. Эл. ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%BE_%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B5%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2
7. Архив НТМ-З. Ф. 10. Оп. 18. Д. 3. Л. 3; см. Ганьжа С.В. Янушкевич и декабристы // Тагильский рабочий. 1988. 12 июля; эл. ресурс: http://historytagil.ru/people/6_112.htm
8. Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 26. Оп. 1. Д. 11. Л. 47–50.
9. Овечкина Э.Н. Из истории библиотеки Тагильского музея: 1920–1930 гг.: доклад на конференции, посвященной 75-летию краеведческого музея Н.Тагила. Рукоп. Не опублик. Архив НТМ-З. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1.
10. НТГИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 12. Л. 70.
11. Чудовский В.А. Библиотека ТОМК. Нижний Тагил, 1930. С. 1–2.
12. Архив НТМ-З. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
13. Архив НТМ-З. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–18.
14. Архив НТМ-З. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
15. Чудовский В.А. Библиотека ТОМК. Нижний Тагил, 1930. С. 5.
16. Чудовский В.А. Библиотека ТОМК. Нижний Тагил, 1930. С. 7–8.
17. Архив НТМ-З. Ф. 57. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.
18. Архив НТМ-З. Ф. 57. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.
19. Статья начальника Главнауки СССР М.Лядова напечатана в «Комсомольской правде» в апреле 1929 г.
20. НТГИА. Ф. 144. Оп. 1. Д. 69. Л. 23.
21. Архив УФСБ Башкортостана. Арх.-следст. дело № 2606 в 11 т. по обвинению Будриса Ф.Ф., Чудовского В.А. и др. (всего 100 чел.) в контрреволюционной шпионско-повстанческой организации «ПОВ» по ст. 58 п.п. 6, 7, 10, 11 УК РСФСР.
22. Чудовский В.А. Библиотека ТОМК. Нижний Тагил, 1930. С. 8.

СЕРИЯ

«НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ»

Города на Среднем Урале возникали как крепости, или как заводы, и только один Ирбит строился как торговый город. Действительно, Ирбит прославилась одна из крупнейших в России ярмарок, проходившая ежегодно с XVII по XX век, многократно описанная в книгах и исследованиях учёных, в статистических отчётах, хранящихся ныне в центральных государственных архивах, в архивах Тобольска, Перми, Санкт-Петербурга, Москвы.

Вот один из отзывов о ярмарке Б.Е.Зябловского в «Статистическом описании Российской империи в нынешнем её состоянии», изданном в 1808 году в Санкт-Петербурге: «...Между всеми Сибирскими местами город Ирбит по своей торговле занимает первое место, чему причиною учреждённая в нём ярмарка, которая обыкновенно начинается с первых чисел февраля и продолжается до марта. В сей ярмарке имеют участие купцы разных Российских городов, особливо Московские, Казанские, Астраханские, Оренбургские, Ярославские, Устюжские, Нижегородские и других мест. Но преимущественно приезжают на оную купцы Сибирских городов, как то: Екатеринбургские, Верхотурские, Тобольские, Тарские, Томские, Енисейские, Туруханские, Красноярские, Иркутские, Якутские и других городов.

Участие царского двора, правительства, губернаторов Пермской губернии, привлекавших к решению ирбитских проблем ведущих российских специалистов и архитекторов, обеспечило Ирбиту возможность строительства торговых объектов и жилых зданий, в которых отразилось всё многообразие архитектурных стилей от классицизма, «русского кирпичного стиля» до эклектики и модерна.

В городе сохранилось более 200 памятников истории и культуры XIX — начала XX века, — свидетелей Ирбитской ярмарки, являющихся национальным достоянием России.